

А детства и не было

Вторая мировая война пришла в дом этой семьи намного раньше, нежели для всех нас, живущих в СССР. В сороковом году Рязанцевы проживали в Польше, в небольшом пригороде у станции Заремба, которой и командовал глава семьи.

Уже тогда поляки, раздираемые политическими противоречиями, воевали не только между собой, но и с «кацапами»: русские были здесь чужими.

В один из июньских дней 41-го года начальника станции, советского коммуниста А. С. Рязанцева, вызвали в спецчасть, и больше его в семье никто не видел. Только в 43-м они узнали, что отец погиб под Ленинградом, сражаясь в боях за «Дорогу жизни».

Мать с пятерыми детьми: старшему – 12 лет, младшей – всего два месяца, осталась одна. А Ниночке (ныне она Нина Александровна Красникова) исполнилось десять лет. Удивительно, но детская память сохранила все события того страшного времени, и горькая повесть нашей героини, словно лента военной кинохроники, предстает перед глазами:

– Немцы шли по улице, шумно крича, с засученными рукавами, автоматами подталкивая людей, выгнанных из домов. И хотя они кричали: «Найн, пук-пук, найн, найн!», вроде как стрелять не будем, мы сильно испугались, заревели, мама всех детей увела в погреб. А когда вернулись в дом, оказалось, что все нажитое добро разграблено, даже посуда. Но надо было как-то жить.

Нина Александровна Красникова.
Май 2012 года // Фото: Людмила Лескова

Мы с братом пошли в пастухи, пасли коров у польского пана, за это получали по куску хлеба и немного молока. Несли домой, кормили семью. Однажды, когда мы возвращались с пастбища, нас остановили двое мужчин, поинтересовались, кто мы, узнав, что мы живем неподалеку от железнодорожной станции, спросили про поезда, как они часто ходят. Потом они еще раз разговаривали с нами, сказав, что

на станции работает их русский друг, которому надо помочь, сообщить какие-то сведения. Мы пообещали, что все сделаем. И передавали сведения.

Но о наших тайных встречах кому-то стало известно, и на нас донесли. Маму арестовали, а с ней и нас, всех пятерых.

Хорошо помню этот день – 10 апреля 1943 года. К дому подъехала бричка с четырьмя жандармами, приказали ничего с собой не брать, потому что повезут расстреливать. Мама все же успела кое-что из еды бросить в мешок. Целый день нас везли, наконец прибыли мы в город Ломжа, знаменитый своей лютой тюрьмой. Нас поместили в одиночную камеру: деревянные нары, маленькое оконце, ведро с парашей в углу. Дали хлеба по 50 граммов, и то с опилками.

Потом нас с братом и маму пытали, били. Во дворе тюрьмы постоянно висели трупы на столбах, и нам говорили, что нас так же повесят или расстреляют. Было страшно. Сильно заболел младший брат Юрик, ему было четыре годика. Лечить его никто не стал, и вскоре он умер. Правда, был в тюрьме очень хороший человек – ключник, русский эмигрант, он подкармливал нас. Но его расстреляли за то, что он написал письмо в Международный Красный Крест о том, как здесь истязают малолетних детей.

Мы жили, если можно назвать это жизнью, в вечном страхе, не надеясь на лучшую долю. По ночам мама молилась и нас заставляла. Мы стояли на коленях и обращались к Богу.

И он услышал наши молитвы: нас не расстреляли, а повезли в Германию. Там мы стали узниками одного из концентрационных лагерей в городе Кольт. Правда, здесь отношение к нам было помягче, да и кормили получше. Разрешалось общаться с другими детьми, нас никто не бил.

В январе 1945 года пришло освобождение. Хорошо помню, как нас с братом советские танкисты целых три дня катали в своей боевой машине по улицам города. Как-то остановились у одного полуразрушенного особняка, и нам разрешили взять что понравится, на память. Брат выбрал велосипед, а я – детскую коляску для кукол. Вот такими подарками одарила нас горькая судьба.

В конце января мы вернулись в Россию, но не на родину – Харьков был полностью разрушен, а приехали к бабушке, маминой маме в Курскую область, в село Плоцкое. Здесь нам выдали денежное пособие, как пострадавшим от нахождения в концлагере, и мама купила корову, ставшую кормилицей семьи на многие годы. Даже в 47-м году, когда случилась страшная засуха и многие люди продали свою скотину, мы сберегли нашу коровушку: разобрали камышовую крышу на корм. А хату, между прочим, строил старший брат Анатолий, ему уже шел 16-й год, и он был прекрасным работником. Ну и мы помогали: месили глину с песком, делали кирпичи, бревнышки из леса таскали. Хороший домик получился, крепкий. Сельчане нас хвалили.

Вот такое было у меня детство. А было ли оно у нас, детей войны, маленьких

узников немецких концлагерей?!

Горестная улыбка тронула губы Нины Александровны, в ее глазах застыли слезы. В маленькой, но очень уютной светлой комнате наступила тишина. Спросить, что было дальше, как складывалась ее жизнь, как-то не поворачивался язык.

Нина Александровна начала сама:

– А дальше меня судьба свела с молодым и очень красивым человеком – Михаилом Красниковым. На то время я уже окончила семилетку, училась в торговом техникуме. А он приехал к нам в село навестить свою сестру. Приглянулись друг дружке, и вскоре он увез меня на Урал, на Богословский алюминиевый завод, где он работал слесарем в цехе анодной массы.

Родилось у нас двое детей: дочка Танюша и сын Олег. Но вот поднимать их на ноги, растить, воспитывать пришлось мне одной: Михаил рано ушел из жизни. Замуж ни за кого не пошла, считала, может ошибаюсь, что чужие дети никому не нужны. Трудно было, конечно, пришлось сменить профессию, приобретенную в торговом техникуме, на рабочую – одиннадцать лет отработала формовщицей в цехе анодной массы.

А знаете, как я их воспитывала? Страшала: сыну говорила, возьмешь чужое – голову отрежу и в милицию отнесу. А дочку предупреждала: начнешь курить – язык вырву и собакам брошу. Шутки, конечно. Но детей вырастила хороших, трудолюбивых, добрых, честных. Татьяна – архитектор в нашем городе, Олег, отработав многие годы на Севере, на пенсии, живем с ним вместе. Дети меня почитают, да и внуки тоже, их у меня двое, оба отличники в школе были, успешно окончили и университеты, теперь трудятся. Недалеко то время, когда правнуков считать начнем. Только не дай Бог, перенести им такую же беду-судьбинушку, которая выпала нам.

**Рассказ записала
Людмила АЛЕКСАНДРОВА.**

Красникова, Н. А. А детства и не было : [воспоминания узника немецких концлагерей Нины Рязанцевой (в замужестве – Нины Александровны Красниковой, г. Краснотурьинск] / рассказ записала Людмила Александрова : фото: Людмила Лескова // Заря Урала. – 2012. – 9 июня (№ 72). – С. 2 : фот.